

АМЕРИКА В РОССИИ.

XIV. Поездка в Усты. – Шахты и дудки.

Один из самых интересных уголков этого края – Усты, откуда на здешние заводы везут руду.

На другой день по возвращении из Песочного мы должны были ехать туда на шахты.

Людиновское озеро все зыблется и мерцает под теплым солнцем. Опущенные свежеею зеленью, молодые деревья пристально глядят в его воды. Дальние леса противоположного берега, проливы между ними, белые домики слободы – все это ушло в солнечный блеск и словно млеет в его золотистой дымке. Темными точками на недвижном просторе озера мерещатся челны рыболовов. Спокойствие пейзажа ни с чем несравнимое. У берега на пароходе спят рабочие. Один на носу свернулся калачиком, другой на каюте раскинулся и точно нет ему никакого дела до солнца, которое румянит ему нос и слепит полузакрытые глаза. Вот третий выполз из каюты, - позевал, позевал, прищурился на полную тепла и света даль, и опять в каюту – спать... Майский жук проплыл в недвижном воздухе. У крыльца стоит дежурка, лошадь наклонила голову и дремлет... Дремлет и кучер, завертев вожжи на руку... Откуда-то издали слышится чье-то порывистое пыхтение, точно кто-то во что бы то ни стало хочет из последних сил добежать до какой-то невозможной цели...

- Что это у вас?

- Да, вишь, сохопуд (сухопут) действует.

Паровик, бегущий по дороге без рельсов, забежал во двор дома, выбросил дрова, повернулся и назадстремится куда-то. - Чудесно он запускает так-то. И человека не видать наём, точно одним паром...

Мой спутник зашел ко мне.

- Готовы?

- Давно.

Ну, и с Богом, - можем отправляться.

Маленькие локомотивы бегут по бесчисленным рельсам разных дорог. Во все стороны двигаются платформы с грузами. На одних рыжие массы руды везут, на других – серые шлаки. Дело кипит неустанно. Наш поезд тоже стоит, дожидается.

- Вы в Устах не забудьте заглянуть в казенную шахту.

- Разве есть такая?

- Нет, мы дудки государственных крестьян так называем.

- Это что еще за дудки?

- Увидите.

И до сих пор приходилось слышать – руда из дудок, песок из дудок. Меня это очень заинтересовало.

Когда наш микроскопический поезд выбежал из лесу, направо и налево потянулись поля, хорошо возделанные и удобренные шлаками. Пока здесь приучались употреблять в дело эти никуда прежде негодившиеся продукты домашнего производства, было немало комических случаев. На первый раз пригласили священника отслужить молебен. Тот посмотрел, посмотрел – и плюнул.

- Чего это вы Божью землю портите?

Управляющий расхохотался.

Пришло время урожая. Приезжает священник.

- Ну-ка, батюшка, поедем.

- Куда?

- Да на порченную землю, на нивы.

Стали осматривать их – жатва превосходная.

- Невозможно!

И он сам полез, завоzilся в земле. Шлаки есть – точно.

- Ну?

- Воистину – чудеса!.. И камни поведали славу Божию.

Ларчик просто открывается: шлаки богаты серой, известью, золой, фосфором, фосфорной кислотой; все это они возвращают истощенной земле. Сверх того, для тяжелых почв они хороши тем, что разрыхляют их, открывают влиянию дождей и воздуха. Таково, например, их действие на глинистые пространства. На здешних образцовых фермах с участка, на котором высеяна одна четверть и две меры хлеба, собирают шестнадцать четвертей его. Десятина дает 30 копен с десяти мер посева. Ячмень хуже, - тот на четырнадцать мер приносит только 25 копен. Без шлаков, без удобрений и такие средние урожаи здесь были бы невозможны.

Веселый молодой нежною весеннею зеленью трепетал под солнцем и теплым ветром, когда мы проезжали мимо. Изредка из его мягкой чащи подымалось старое дерево, далеко в высоту простирая свои, точно поднятые для благословения, ветки. Направо по зеленой понизи, словно синие облака, мерещатся маленькие рощицы. Вон село Букань; из-за деревьев высоко возносится колокольня ее церкви.

- Плохо здесь крестьянину пришлось было! – сообщает мне мой спутник.

- Почему?

- Еще в марте у самых исправных хозяев кормы скоту окончились, - заводит он общую здесь песню. – Стали выгонять скотину на снег, она и выедала остатки прошлого года. А у другой силы разбить снег не было, так и колела сердечная. Что вою по деревьям было!..

- Что это за ферма? – указываю я на маленькие здания, видимо владельческая, в стороне.

- Это наша славянская ферма. Она нам 5.000 рублей чистого дохода дает. Тут заведено трехпольное хозяйство. Работает человек двадцать пять, иногда и нанимать еще приходится.

- Поденно?

- Нет, на полдесятины, на десятину... Платим так, что за посев и за жатву придется ему 6 руб. 40 коп. И так в аренду отдаем земли: своим по 1 руб. 50 коп. за десятину, а чужим от 2 руб. 85 к. до 4 руб., - с торгов уже. Цены разные. За другую десятину и по 5 р. 70 коп. платят. Скота держим здесь голов сто рогатого, да лошадей двадцать. Иногда, впрочем, случается, что на ферму для кормов пригоняют еще несколько сот голов скота.

- Откуда?

- А крестьянство. Кормить им нечем дор весны, - ну, они и просят поддержать до первой травы. Мы не отказываем, когда у самих сена достаточно запасено.

- Что же, ферма получает за это что-нибудь?

- Ни гроша! Это, ведь, для поддержки крестьянских хозяйств делается, - что-ж тут выгадывать!

Поезд наш идет мимо целых гор белого песка, употребляемого для стекла, мимо длинных валов ссыпанной здесь железной руды. Из-за низ, из-за этих гор и валов, совсем не заметно станции. Шахта и она неожиданно вырастает перед нами в самом центре этих богатых складов всякого сырья, которое отсюда доставляется в гуты, заводы, в домны и другие промышленные заведения этой жиздринской Америки.

Кругом все засыпано углем. Прямо перед нами бурят землю; три года уже продолжается здесь разыскивание пластов каменного угля. Думают, что он должен лежать на 62-96 аршин глубины. До сих пор добыли только угольную муку оттуда, хотя сорок восемь аршин уже пройдено. Черный колодезь прямо вниз ведет, в самые недра земли. Паровая машина и локомотив неустанно работают над ним. Два насоса: один давящий, другой высасывающий – не знают отдыха. Там внизу, в этой черной тьме, при свете тусклых лампочек, работает народ под целыми громадами нависшей над ними земли.

Слышно, как вода просачивается бесчисленными жилами. Каждый час отливная машина выбрасывает ее до 2.000 ведер, а она все льет да льет со всех сторон, точно желая сохранить на веки вечные этих жалких гномов, дорывающихся до лежавших тысячи лет и никому неведомых сокровищ. А гномы эти работают в три смены, каждая в четыре человека. За двадцать четыре рабочих дня мастера из них наверху получают 18 р., причем за каждый лишний день ему отсчитывается по 75 коп.; подмастерья – 15 руб. и за лишний день – 60 коп. Они на полном хозяйском содержании. За работу внизу, в вечном мраке этих подземных галлерей, плата гораздо выше: два штейгера за те же двадцать четыре дня получают на хозяйском содержании от 30 – 50 рублей каждый.

Всех буровых скважин здесь заложено четыре. До угля дошли только в двух из них, затем буры сломались. Механическим путем вести дело оказалось трудно, - обратились к ручной силе, которая, разумеется, обходится дороже. Больше всего возни с подземными плавучими породами, которые то и дело выпирает вверх, причем уровень шахты вверху опускается все ниже и ниже.

Сверху вниз идет труба, в которую разговаривают с рабочими.

Я приложил ухо: оттуда слышался гул, неясный стук какой-то, порою покрывавшийся журчанием воды. Изредка доносились отдельные голоса. Казалось, что там, в глубине этой влажной и черной земли, сказочные гномы делают свое вечное дело, собирая в недоступных подземных пещерах таинственные сокровища, до которых никогда не суждено коснуться рук человека. Обманутое иллюзией ухо начинало различать стук молотков, которыми эти легендарные карлы отбивают золотые самородки от плотно, отовсюду, захвативших их камней, раскалывают утесы, чтобы в глубине их открыть алмазные жилы... Действительность, впрочем, оказывалась сказочнее всякой сказки. На Урале я опускался в подобные же шахты и всегда выходил оттуда полным удивления к неукротимой энергии тружеников, словно черви пронизавших, казавшиеся недоступными, недра земли, чтоб из их таинственного мрака вынести на свет Божий невиданные богатства!.. Помню я этих одиноких работников, которые целые дни кайлом и кирками отбивают у неподвижного подземного царства железо и медь, слыша только шорох осыпающихся пород и чувствуя над собою целые горы каменных масс, которым стоит только чуть-чуть сдвинуться, чтобы навсегда похоронить в тяжелом мраке подземных галлерей смелого труженика... Часто рисовало мне воображение, какие минуты должен переживать он в своей внезапно запертой таким образом каменной ячейке... Лампочка его мало-по-малу гаснет... Помощи ждать неоткуда... Сверху все больше сдвигаются и давят его каменные породы... Дышать становится нечем и вечный мрак охватывает отовсюду... Заживо схороненный...

Честь и слава энергии человека, преодолевающего все и не знающего перед собой никаких препятствий!

Отсюда выносишь глубокое уважение к труду безграмотного рабочего. Гигантом он вырастает перед вами.

Кучи лигнита сложены во дворе. Все это из других шахт. В нем до 25% золы. Мягкий, он расползается под пальцами.

- Куда его? – презрительно смотрит рабочий на эти черные горы. – Наш лучше.

- Какой ваш?

- У нас здесь андрацыц добывается. Тот – ничего.

- Антрацит верно?

- Во-во, он самый! А под ним стекляк лежит.

- Это еще что такое?

- Тоже уголь, только ён как стекло блестит, покули свежий, а как постоит на воздухе – тускнеет живо. А еще выше – это самая жмака и есть, - махнул он на угольную пыль, целыми грудями заполонявшую двор. – Коли бы не пливун, мы бы уже далеко прошли. С пливунем только совладать трудно.

Плывун состоит из песка и воды. Три слоя они уже прошли здесь. Между ними – залежи глины.

- Теперь будем крепи ставить. Ничего не поделаешь... Последний слой песку-то, которым мы идем, сказывают, пятнадцать аршин в толщину-то. Девять мы уже прошли.

Несколько зданий около, совсем новых, покосилось. Одно подперто баясинами. Нужно прибавить, все они выстроены прочно, из превосходного леса.

- Что это?

- Бури сваливают. Вон, например, сарай для паровозов, - ишь как покачнулся.

- Да позвольте, ведь мы не в центральной Америке!

- Тут бывают такие грозы! Вы знаете, что в казенных лесах Раменской дачи повалило 500 десятин столетних старых деревьев. Вот какие бури здесь!.. Это, вот, в октябре восьмидесятого года у нас бушевало. Пропасть убытков понесли мы...

Мы переходим к складам руды.

Вот руда Лабунского, доставленная сюда на платформы. Она грязна, плохо обработана. Заведующий Устами г. Зайцев устроил ее промывку. Она дала одних пустых пород 49%, а самая худшая мальцовская дает 43%. В общем все они приносят железа 50%. Часто в оболочках руды встречаются яйца углекислого железа. Самые бедные по содержанию металла руды дают здесь 20-30% его. Эти сферосибериты неохотно берут для плавки с флюсами. Лучшим сортом руды является крестьянская, так называемая «казенная». Здесь заепплатят по пяти коп. с пуда. Местный обычай установил оригинальный порядок: платить за руду не по качеству ее, а по месту, откуда взята, и по расстояниям. Руда Лабунского хуже – за нее 6-7 коп. идет, потому что везут ее за двенадцать верст, а эта «коренная» государственных крестьян доставляется только за четыре.

Наконец здесь мне пришлось узнать, что такое «дудка».

Мы проходили по местности, где то и дело встречались точно обвалившиеся колодцы. Какие-то ямы, видимое дело, - с боков осыпалась земля и покрывала отверстия глубоко пробурившей земли.

- Это – старые, выработанные, дудки, - объясняли мне.

- А новые?

- Вот сейчас.

Сделали еще несколько шагов.

- Видите?

- Что такое?

- Дыра в земле.

- Вижу.

В земле действительно было отверстие в три четверти аршина диаметром. Я заглянул туда. Черная дыра вертикальною жилой, казалось, уходила глубоко в землю.

- Вот это дудка и есть.

Действительно, дудка – в полном смысле этого слова.

- Да как же в ней работать?

- Очень просто. Пророют в земле такую отвесную нору, доберутся до руды и там уже подземными жилами добывают ее наружу.

Крепей не ставят, а работают, пока дудка не начнет обваливаться: тогда роют новую. Очевидно, здесь не без участия Провидения, потому что до сих пор не было случая, чтобы осыпи хоронили кого-нибудь под собою. Труд этот, впрочем, большею частью зимний. Весной, когда начинает таять, подземные кроты-рудокобы вылезают вон. Летом работают, но очень неохотно. Роются под землей, при помощи какого-то особенного инстинкта стараясь не попасть на старую дудку, потому что в ее пустотах скапливается вода, которая может сплошь залить их вместе с первобытною этой норой. Дорывшись до руды, внизу, во мраке они копаются во все стороны – жилами, ползая чуть

не на четвереньках. Подпорки в этих жилах, напоминающих червяные ходы в яблоке, ставят тогда только, когда пласт особенно богат и стоит того. Чаше на-авось!

- Как глубоки эти дудки?

- Разные... Трудно сказать.

Та, в которую спустился я, шла вниз аршин на одиннадцать. Сошествие мое от яркого теплого весеннего дня в сырой и холодный мрак этой дудки совершалось на канате. Нора на столько узка, что если бы канат и оборвался, то можно было бы удержаться в этой трубе плечами. Вставляешь ногу в петлю каната, сверху развивают ворот и, спустя минуту, нас охватывает влажный сумрак. Отверстие вверху кажется едва-едва заметным. Внизу, если бы не свечи или лампочки, можно было бы живому испытать все ощущения заживо похороненного. Просочившиеся сквозь почву вода сбегает вниз с каким-то зловещим урчанием. Где-то из боковой, еще более узкой, жилы слышится шорох, тоже не особенно ободряюще действующий на душу. Соображаешь, что это земля осыпается в жиле, как бы она не похоронила там какого-нибудь беспечного рабочего. Внизу нога попадает в воду, тускло поблескивающую под скупым светом едва мигающего огонька, тускло и робко мигающего, словно и ему страшно, - точно под впечатлением этого мрака, под тяжестью этой массы земли над ним и он хочет закрыть свое бледное око, погрузив червивый ход рудника в еще более тяжелую, беспросветную тьму.

Прежде вся эта местность изобиловала водою, никаких гидравлических работ не знали крестьяне и копались чуть не по пояс в холодной влаге. Мальцов устроил им канавы для стока, а по дну проложил штольни, которые с тех пор значительно обсохли. Крестьяне теперь, как только вода в дудках начинает подниматься, сейчас же бросают их. Редкие выливают ее вон патриархальным способом - кадками. На сто дудок не более одной работает с водою, извлекаемую таким остроумным способом.

- Как же в этих узких дудках и работать, и воду вычерпывать?

- Они роются двумя дудками рядом и соединяют их под земною норую. Из одной воду выкачивают, а из другой руду достают.

В иной дудке работают не более недели, тотчас же ее бросая. Таким образом, на земле государственных крестьян руды пропадает много, и иногда самая обильная по содержанию железа остается невыработанной. Из хороших дудок случалось - в виде исключения разумеется - двум кротам добыть 300 пуд. руды в день; обыкновенно же извлекается оттуда 100 пуд., причем в Устах за каждый пуд уплачивается им по 2½ коп., так как никакого расстояния тут не оказывается. Теперь, впрочем, по двое уже мало работают. Вначале двух еще довольно: один точит нору, а другой вытаскивает воротом кадки с землей или пустой породой. Но когда дорылись до руды и открыли так называемый двор, т.е. жилы, откуда ее начнут вырабатывать, тогда является третий. Он вверху действует у ворота, второй внизу роет и откалывает руду, а последний укладывает ее в кадки, которые доставляет под воротом к канатам. Вся работа совершается в зловещей тишине. Только слышится скрип ворота сверху да урчание воды в колодце...

Старые обвалившиеся дудки тоже не бросают. Через несколько лет, когда они осыпятся и земля осядет, - крестьяне опять роются в том же районе, то есть между четырьмя старыми дудками в точке встречи проведенных между ними диагоналей, что и называется - на кресту. Когда я проходил по этой местности, полной старых осыпавшихся дудок, еще кое-где зиявших черными отверстиями, - мне казалось, что их нарыли какие-то колоссальные сурки. Вот, вот выскочит один на дорогу и сейчас же опять юркнет в свою подземную жилу... Но вместо них из редких нор выскакивали, словно слепнущие от света, рабочие, отряхивали с себя влажные комья земли и старались поскорее надышаться благоарствованием воздуха. Зеленые лица быстро принимали здоровый цвет, согнувшиеся хребты расправлялись.

Жаворонки уже купались в чистом, теплом воздухе, серебряными колокольчиками звеня в высоте... Все время они поют над дудками, точно приглашая угрюмых рудокопов выйти из своего мрака на вольную волю, на свет и простор роскошного, ясного дня.

XV. Буда Мальцовская и Буда Песочная.

Когда-то весь этот округ принадлежал календарному Брюсу. Теперь мы проезжаем по владениям этого великого мага и волшебника. Большие села попадают по пути, по скатам холмов, по лощинам у быстро бегущих речек. Рощи – остатки великолепных лесов – поближе к воде вытягиваются, точно жутко им в этом безлесном просторе. В синей дали красивее и красивее кажется вся эта местность. Вон река Песочная завилась прихотливыми излучинами, жалкая деревушка Хохилевка сбилась около, вся покачнувшаяся, вся точно раздавленная насквозь прогнившими соломенными кровлями. Беднота так и сквозит из всех углов ее. Ни скота около, ни обработанных полей... Какое-то чахлае люди тонут по улицам, обратившимся в сплошную болотину, тонут в ней и избы самые. Неприглядная картина народной нищеты скоро осталась далеко позади. Взгляд отдыхает на прелестной долине, по которой вьется светловодная река Жиздра. Свежая зелень пышными облаками круглится над нею, жаворонки с утра завели свои весенние песни, и чем выше поднимается солнце, тем громче становятся эти песни, точно каждое новое мгновение этого ясного дня рождает новые и новые рои звонких птиц... Останавливаемся на несколько минут.

- Видели вы наши окаменелости? – спрашивает меня хозяин дома.

- Нет.

Мне показывают громадный зуб какого-то допотопного травоядного.

- Это здесь нашли?

- Да.

Опять дорога, опять красивые окрестности. Вон березовый лес... Сорок лет уже, как поднялся он здесь, а смотрит не совсем весело.

- Это больной лес, - замечает крестьянин, - сетовой!

- То есть что это значит – сетовой?

- Ноздреватый, рыхлый, - объясняют мне.

По всему пути видны оставленные и разработанные дудки. Мимо них мы доезжаем до превосходно обстроенного села – «Буда Мальцовская». Кирпичные домики чистенькие и уютные. Весело смотреть на них, особенно оставив за спиною разоренную деревушку Хохилевку. Ничего общего, хотя обе в одном и том же районе.

Тут разработка руды дудками идет еще упорнее, чем в других местах. Верхний слой пустых пород не глубок, добывание руды легче, чем в Устах. Других крестьяне будяне к себе не пускают, стойко держатся за свою землю. Отсюда уже дудками добывают и уголь. Около Буды – две шахты для его разработки. Часть поля первой шахты уже истощена, антрацит весь вынут, теперь подготавливается вторая, в которой в этом году летом должны быть начаты работы. Шахта уже готова, но еще затоплена водою. Чтоб освободить ее от воды, к ней проводятся отливные штольни. Колодезь для шахты очень глубок; внизу из лощины копается к нему эта отливная штольня черною, страшною жилой. Жила эта сначала идет перпендикулярно вниз и потом горизонтально сверлится навстречу шахты. Мне кажется, в этих ходах подземных могут подолгу оставаться только дождевые черви. А между тем в то время, как мы сверху наклонялись над этим колодезем, из его черной тьмы, с самого низа, доносится к нам веселая песня, - песня из подземной скважины. На меня она произвела такое же впечатление, какое произвел бы внезапно запевший в своем тесном гробу мертвец...

Удивительно, при каких условиях люди ухитряются быть веселыми. Подумаешь, на него, верно, не действует эта убийственная обстановка.

Певец не долго работал внизу. Ему опустили канат. Он как обезьяна уцепился за него и стал подыматься. Песня становилась все громче да громче, пока сам певец не

показался над черною дырой этого колодца, - включенный, весь в грязи, но веселый и, по своему, счастливый.

- Эх ты, брат, распелся!

- С песней-то лучше дело спорится. Оно и не заметишь, как работу-то кончишь...

Без песни нам бы пропасть надо!

- Много ли вас там работает?

- Два наверху, да два внизу. Мы чередуемся, чтобы никому завидно не было. А потом другая смена, тоже четверо.

Оказывается, это плата им, по здешним условиям, идет очень хорошая. Они вырабатывают по 30 рублей в месяц каждый.

- Нам жить можно. Мы живем – слава-те Господи – чудесно!

- Далеко ли до угля дорываться приходится?

- Не... Здесь уголь близко... У нас так: чем место выше, тем уголь ниже, а чем место ниже, тем уголь ближе в нам. На низинах его работать легко.

Толщина здешнего угольного слоя колеблется от пяти четвертей до двух аршин.

В дудках угольных крестьяне уже работают осторожнее, подпоры ставят чаще и крепче. Здесь дольше приходится оставаться на одном месте и выбирать гораздо больше, чем на рудничных местах. Из дудки трое рабочих выберут в день более 350, а то и все 400 пудов. Завод за каждый пуд, принятый им, платит по две копейки, но не вся выработанная масса может быть сдана приемщику. Ее нужно еще просеять, причем половина пропадет на мелочь. Таким образом, считая, что один день они просеивают, а другой день возьмется в рудниках, окажется, что больше 75 коп. на человека, при этом труде, никак не придется. Очищают они уголь внизу, в дудках, а железо очищают, напротив, наверху. Вся земля здесь пронизана старыми дудками, почему и почва по всей местности несколько осела. Проходя мимо черных дыр и заглядывая туда, мы то и дело видели, как в глубине, во мраке, поблескивает одинокая лампочка, точно светляк забрался в узкий колодезь и светится там робким, фосфорическим огоньком.

- Живы ли?! – крикнул в одну такую дудку мой спутник.

Оттуда послышалась столь энергичная фраза, что сомневаться в отсутствии жизни там было невозможно.

- Ты что-ж ругаешься?

-А чего-ж мне не ругаться! – едва-едва донеслось оттуда.

- Ты знай с кем говоришь!

- Наплевать! Много вас, чертей, шляется.

- Антошка! – крикнули ему, - да это – господа.

- Мы знаем, какие господа! Из наших чистоплюев должно быть.

А там и песня послышалась из-под земли, на зло ее мраку, ее сырости.

Отсюда до Буды Песочной недалеко.

Там разрабатывается уже не руда и не уголь, а белая глина для огнеупорных кирпичей и белый песок, необходимый для стекла. Старые дудки тут водою залились доверху, у самых отверстий их выросли кусты и глядятся в неподвижную влагу. Птицы всякой здесь до пропасти, и не пуганая, не особенно бежит от человека, - понимает, что ему не до нее совсем.

Первая шахта здесь идет на 22 аршина в глубину. Песку найдено уже семь аршин, а на сколько еще вниз идет эта толща – неизвестно. Работают артелями, по семи человек каждая; за тысячу пудов им платят по 10 руб., причем эту тысячу пудов нужно вырабатывать день или полтора. Работа оказывается выгодной и население идет на нее с особенною охотой.

- Что, вода не заливает вас там?

- У нас вода сверху есть, а внизу нет.

- Начнем работать, вода дальше пойдет; вся она в песок схоронится, не видать ее.

- Наша работа сухая. Не дай Бог – с рудой да с углем... Наша чистая...

Белые горбы и валы песку тянутся по всем направлениям. Его уже выработали и приготовили для обмера. Вот несколько человек роют землю. Управляющий подошел к ним.

- Что вы это, братцы?
- Да новую дудку роем, - старая плоха стала. Песок желтый совсем пошел.
- Они страсть как на эту работу идут.

И действительно, партии рабочих то и дело подходили к управляющему.

- Дозвольте из старых дудок работать... Что-ж даром-то...
- И без того много уже выработали песку. Довольно. Нам больше не надо.
- Почему они на старые шахты просятся?
- Боятся, что не выстоит, развалится; так благо ход есть, поскорей ее выработать

торопятся.

- Осенью, осенью, ребята! – успокаивает он.

- Не простоит до осени-то... Где ей... Песок-то уж очень хороший, песка жалко как!. Опять же и хлеба нет, год голодный...

Часть работ тут приостановилась, потому что требований на товар нет вовсе. Это было в 1881 г., а в этом дала верно еще тяжелее. Еврейские беспорядки страшно отразились на заводах. Заготовленная масса товара, приходившая прежде на русский юг через еврейских комиссионеров-купцов, мальцовскому товариществу убытка на 400.000 руб.

Глиняные дудки около. Оттуда вылезают подземные жители совсем измазанные – лица на них нет. Бывают дни, когда артель в семь человек – пятеро внизу и двое наверху – добывает 200 пуд.этой вязкой массы, за которые и получает пять рублей. Тогда как при самом слабом свете какой-нибудь самодельной лампочки в песочных дудках светло как днем, стенки ее из слежавшейся белой массы искрятся как слеза, в глиняных темнее, чем в рудничных шахтах. Самая работа далеко не так легка, как с песком. Приходится забивать клинья, делать засеки, бить их чугуною балдой, пока, наконец, ком жирной и вязкой глины отколется. И сыро здесь ужасно. Ручьи текут отовсюду. Внизу наливаются глубокие лужи.

- Колоть страсть трудно... Сквозь просеком иной раз не ломится. Хоть ты што...

При мне вытаскивали кусок пудов в двадцать; его пришлось отбивать со всех сторон, пока он откололся, наконец.

- За иной такой анафемой час бьешься, а все она свококарахтера не уступит. И наругаешься же с ей!..

Пока эта глина мокрая, она темно-серая. Высохнув, она светлеет и, по словам рабочих, делается «зеленой». Под зеленым цветом, впрочем, в данном случае нужно подразумевать серый с легким лиловым оттенком. Прислушиваясь у отверстий дудок, мы различали стук забоев мягкий, - видимое дело, кирки уходят в вязкую и плотную массу. Вон из одной дыры вылезло несколько человек и растеряно смотрят туда.

- Что вы, братцы? – спрашивает их управляющий.

- Сажени три прошли.

- Ну?

- На старую дудку наткнулись, прямо в нее, - насилиу ноги унесли... Водой было совсем залило.

- Сколько же вас было?

- Да мы в пять огней работали. Слава Богу, все живы вышли.

Тут не говорят: работаем вчетвером, впятером, а в четыре огня, в пять огней.

Огонь – это чугунный черепок, налитый конопляным маслом. Через край черепка висит фитиль.

- Духоты от яво страсть! Плохо, плохо, а масла семь фунтов пожрет за неделю.

- Семь изведет верно.

- Карасир лучше. В Жиздру поедем – карасиру купим.

Вон из следующей дудки несется громкая песня. «Христос воскресе» слышно... Хором человек пять запели под стук чугунной балды. Самый подходящий стих для этого мрака, для этого страшного свежему человеку подземного царства... Особенное впечатление должна производить эта воскресная песня в подобной обстановке... Воображаю, какое благоговейное чувство растет теперь на душе у этих тружеников.

- Не случается, чтоб обваливались глиняные дудки?

- Николи, потому тут мы крепи ставим.

На эти крепи им отводится лес, который они сами должны вырубить, вывезти и поставить в свои патриархальные шахты.

Случается и то, что идут, идут все ниже и ниже глиняною дудкой – и вдруг под вязкой, черной массой глины оказывается почти без промежутков белый чистый песок. Рабочие очень рады тому, потому что вместо трудного и грязного дела сейчас же начинается легкий труд.

- Бог счастье послал, в чертов колодец привел! – говорят они.

- Почему чертов колодезь?

- А как же? Сколько ни будь воды сверху, как до песку дошла и пропала. И песок сух, и воды нет.

- Работают они при этом в одну смену от рассвета до заката.

- как солнце за лес, так и шабаш! – говорят они. – А зимой и ночью – ни почем, потому у нас плата сколько кто выработает, - ну, и стараемся. Теперь – то спишь в сладь, а зимой ночью тут же в дудке иной раз прикуряешь в угол на глину, заснешь, а товарищ уж и будит, - вставай-де, забивай забойки... Ночь не поработаешь ан и есть нечего. Случается, глину-то выбиваешь, выбиваешь, да на уголь и наткнешься. Не равно бывает.

Каменный уголь, действительно, кое-где прошел здесь прожилками сквозь глину. Во времена оны была здесь превосходная розовая глина, - всю выработали. Напали на гнездо и опустошили его, а теперь нового найти не могут.

- Вся деревня кормилась ею, розово-то... Сколько мы денег за нее перебрали... Две десятины, поди, выработали, все на Дядьковскую гуту ушло. А теперь нет, нигде нет. Уж мы как искали...

Замечательно красивый, сильный и рослый народ в этой местности. Точно совсем в иной край попал. Сеют хлеб, жнут, всеми вообще полевыми работами заведуют бабы, а мужчины исключительно в каменщиках или по дудкам работают.

Здесьние крестьяне удивительно быстро работают дудки. Таковую аршин в девять высоты двое рабочих оканчивают в два дня. Роется она так: выкопав отверстие, один садится в него и, упершись коленами в одну стену, спиной в другую, совсем маленькою лопаткой вырывает из-под себя землю. Другой в это время воротом выволакивает наружу землю и бросает ее вокруг отверстия дудки. Внизу, в дудке, когда она уже готова, рабочие точно также возятся в штольнях, не бывающих выше трех четвертей аршина. Они ползают на коленях, скрючившись и чувствуя, что спина упирается в землю, тысячами, десятками тысяч пудов нависшую над ними. Такой труд иногда продолжается часов по двенадцати. Поэтому некоторые, привыкшие с детства рыться в подобных дудках, являются крайне малорослыми и сгорбленными. Будяне, разрабатывающие песочные дудки, сложились совсем иначе. Тут уже они роют стоя. Крепи ставятся сплошь. Потолок устраивается из горбылей. Песок разрабатывается сверху гребнями, над собою, потому что он легко сыплется, а руда, напротив, снизу, - вбивают подбойки и потом откалывают. Когда песок оказывается слишком тверд, его отбивают железными лопатами. Работа здесь веселая, потому что, как выше мы уже говорили, достаточно одной лампочки, чтобы вся эта белая подземная пещера засветилась или как снежная масса, или как золотистый грот. Жаль только, что самодельные лампочки-черепки дают слишком много копоти.

Вся эта местность кругом чрезвычайно богата железом вообще. Даже у соседей, как, например, у Лабунского, лес растет на железе. Владелец хочет поставить домну прямо в лесу. У него там есть мачтовые деревья, которые он продает, а мелкую поросль

сожжет в домне. Сбыт для чугунной болванки чудесный на мальцовских заводах. Сверх того отличный сплавной путь представляет здесь р. Жиздра. Весною она разливается. При нас она была еще только на четыре сажени ширины и по ней почти сплошь ползли плоты. Вообще, по нашему мнению, этот край ждет блестящая будущность. Тут, например, должна быть непременно нефть, потому что запах ее ощутительно слышен из шахт. Массы лигнита тоже пахнут ею. Прежде в Устах Мальцов из лигнита добывал петролеум.

XVI. Сукремень.

По боковой ветви узкоколейной железной дороги мы быстро доехали до Сукременя, села с чугунно-плавильным, литейным и проволочным заводами. Был праздник. Весь народ оказывался в церкви, куда отправился и старик Мальцов с своими певчими. Не большой, но чистенький и красивый храм построен над обрывом в Болву. Отсюда чудный вид на окрестности. Сукремень вообще славится красотой далей, открывающихся на юг и на запад. Вот, например, из церкви виден затон р. Болвы. Далеко, далеко стелется водяная гладь, обставленная лесистыми мысами, лесистыми берегами, точно облака, которым не хочется расставаться с землей, приклонились к самой воде. Деревья кое-где еще в голубом зеркале разлива. Далеко, далеко из-за рощ, полузатопленных водой, среди проливов и плесов, видна красивая церковь Кургана, где работает проволочный завод. Налево мерещатся деревни; их уже не разглядишь... Вон на конце леса, далеко вдвинувшегося в воду, небольшой завод, точно замок какой-то, смотрится в разливы... Спокойствие во всем удивительное. Как-то лучше дышится здесь.

С людиновской дороги этот завод, громадою поднимающийся над озером, кажется каким-то старинным, мрачным аббатством. Весь он резко обрисовывается на голубом фоне безоблачного сегодня неба. Вон даже что-то похожее на четырехугольную башню. Стены его покрыты темными от ржавчины железными листами. Дома вдали кажутся жалкими и микроскопическими перед этой готической массой. Лестницами и переходами мы поднимаемся на вершину чугунно-плавильного аббатства и останавливаемся невольно: такая чудная даль, такие красивые окрестности разом открываются отсюда... Громадное озеро стелется у самых ног, уходя вперед туда, куда и глаз не хватит. Красивово извивается Болва, точно ей не хочется расстаться с этими лугами, полями и рощами. Вон на берегу озера за несколько верст отчетливо видно Людиново, точно оно все сбегалось в кучку к воде. Рисуются оттуда трубы и мрачные здания заводов, белые слободы. Налево чистенький, хорошо обстроенный Сукремень тоже жмет к озеру. Направо в непроглядную даль уходит лесное царство; бесконечная полоса зеленых вершин, отдаляющихся одна от другой, здесь и там сливается в одно общее марево... все это затоплено солнечным светом, охвачено голубым весенним небом. Везде ярко-красное, спокойное очертание. Взгляд скользит, не встречая преграды...

Толщина стен этого аббатства-завода удивительна, - до шести аршин доходит она. Видимое дело, строено оно в старое доброе время, когда и труд был дешев, и материалы стоили грош. Мы проходили мимо массивных сооружений, колоссальных труб, крепостных стен; чудились какие-то огненные траверсы; направо и налево хотелось видеть закопченные средневековые залы, к которым так и идет блуждающий свет факелов, где ухо и теперь как будто слышит звон железных лат и стальных шлемов, стук мечей и бряцание кольчуг. В массивных кирпичных кладках скромного завода чудились каменные мешки. Казалось, что там, по таинственным ходам, можно выйти в далекие башни...

Тут две домны: одна - старая, громадная, как настоящая башня средневекового замка и такая же мрачная, другая - новой системы, строящаяся на чугунных столбах. Старая оставлена и открыта. Мы заглянули в нее сверху, точно на дно черной пропасти. Там ничего не различал взгляд, только ухо расслышало стук молотков. Верно на дне ее работали люди. Внизу все завалено желтыми массами руды, вязкой и богатой вохрой. Рядом строится новая домна системы Уисваля. Один аппарат ее должен обойтись заводам

в 18.000 руб. Чугунные ноги для нее уже поставлены, даже выведено громадное кирпичное брюхо, которое должно будет переваривать десятки, сотни тысяч пудов руды и камня. Тем не менее старая домна, рядом, кажется гораздо внушительнее, с отверстием печи, похожим на ворота, с какими-то ходами и норами, пронизавшими ее толщину. Старая домна была в свое время тоже закрытой сверху. Аппарат для этой усовершенствован Мальцовым и давно уже, чуть ли не перед Севастополем еще, приезжавшие сюда иностранцы инженеры удивлялись сбережению труда и заботливости о здоровье рабочего, выразившимся в этом. Тогда еще за границей считалось сентиментальностью думать об ограждении доменного плавильщика от жара во всю свою каменную пасть пылающей домны. Во времена оны на домну посылали работать за наказание. Потом со всеми этими приспособлениями дело значительно облегчилось. Не знаю, как кому, а мне показались все эти приспособления, постройки, вся эта громада аппаратов – каменною и железною летописью, историей громадного, положенного сюда, народного труда. В здешней домне был придуман аппарат, чтоб утилизировать мятый, т.е. уже поработавший, пар. Его пропускают в громадные цилиндры и потом пользуются его силой давления. Когда это было задумано и приступили к постройке, инженер Фужер, заведовавший здесь делом, стал протестовать.

- Из этого ничего не выйдет!

Ему доказывали, что должно выйти. Он стоял на своем и наконец решил, что работать не станет. Окончили без него. Попробовали – действует чудесно. Фужер был совсем ошеломлен.

- Вы больше инженер, чем я! – обратился он, в виде извинения, к Мальцову.

На здешнем заводе в неделю приготавливают 3.000 пуд. чугуна в изделиях и в болванках. Отливкой различных вещей занято 160 мастеров с 210 вспомогательными поденщиками. Кроме того, в Сукремени есть довольно обширные слесарни, большой завод, где приготавливается 25.000 штук кирпича и лавы, крупной, аршин в диаметре, для той же новой домны. На кирпичном деле занято немного народу. За тысячу штук уплачивается подрядчику 6 руб. 50 коп., а тот уже, в свою очередь, рассчитывается с своими.

XVII. Сергиево-Радица.

Сергиево-Радица лежит в самом начале мальцовских владений. Она начинается у Мальцовской платформы, с которой видны крутые кровли и многочисленные здания этого завода. Из Дядькова я отправился туда вместе с главным инженером здешним, г. Бассоном, из Ганновера, где инженерами хоть пруд пруди. Он работал некоторое время над постройкой локомотивов в Пруссии и в Россию приглашен чуть ли не Полетикою и Семянниковым. Потом морское министерство заключило с ним контракт на сооружение кораблей и, между прочим, поручило ему воздвигнуть трехбашенную нелепость «Минин». Рассмотрев рисунки и чертежи, Бассон стал доказывать, что корабль такого рода никуда не годится.

- Он слишком легок, перевернется с своими тремя башнями.

- Стройте, не ваше дело.

- Не хочу я строить глупостей! – уперся Бассон.

Ему сейчас – контракт, по которому он обязался действовать по указанию министерства.

- Англичане – лучшие моряки, чем немцы. Знаменитый Рид одобрил проект! – изрекло высокопоставленное в морском деле того времени лицо.

Бассон, скрепя сердце, принялся за дело. Когда он его уже почти оканчивал, то же лицо является на доки.

- Вы правы!

- Что такое?

- Такой же английский пароход «Критен» перевернуло с четырьмястами человек экипажа.

- Поздравляю вас!

- Нельзя ли поправить «Минина», перестроить его по другому типу?

- Нет, я уже оканчиваю и вы мне заплатите все, что мне следует по контракту.

И заплатили. Потом Бассон искал руду в Орловской губернии, но, по его словам, был чуть не разорен русскими рабочими. Сегодня приходили к нему партии их по 80 коп. за день, завтра требовали рубль, и так все шло дальше и дальше. Не выдержав, Бассон отправился в Германию и привез с собою 250 семей тевтонов. Этим не повезло: на первых же порах 80 из них вымерли от скорбута, остальные переругались и он должен был их отослать обратно в край сосисок и пива. Потом он еще брался за разные предприятия, но ему не повезло и он совсем разорился. Мальцов его спас от окончательной гибели, и Бассон теперь является здесь главным инженером, если может быть таковой при самом владельце, без которого ничего здесь не делается.

Сергиево-Радицкие заводы возникли здесь не особо давно.

Бывший министр путей сообщения Мельников нашел, что для России величайший позор покупать паровозы за границей, и хотел во что бы то ни стало развить их постройку у себя дома. С 1866 года правительство стало вызывать отечественных железнозаводчиков, предлагая им принять на себя это новое дело, а Мельников обратился к Мальцову, объяснив, что на него одного он возлагает свои надежды, причем, разумеется, обещал всяческие пособия и постоянные заказы. Первым решился приняться за новую отрасль машиностроения Мальцов. Насколько оно было трудно, доказывается тем, что последовавшие его примеру петербургские заводчики Макферсон и Путилов, приняв правительственный знак и задаточные деньги, оказались совсем от сооружения паровозов; третий же, Полетика, передал свой завод Невскому товариществу. Это, истратив на дело весь свой капитал, получило разрешение на второй выпуск паев. Оно могло существовать только благодаря дальнейшей специальной помощи правительства и участием главных железнодорожных концессионеров.

Внутри России пришлось одолевать еще большие затруднения. Тут нужно было более труда, потребовались сравнительно крупнейшие затраты. Мальцов выстроил заводы, приспособил к ним народ, истратив на это более 2.000.000 руб. Приходилось к ближайшей железной дороге проводить особенное шоссе, обратив р. Болву в судоходную, сооружать на ней шлюзы, чтобы сделанные локомотивы доставить на место, где его могло принять правительство. Разумеется, все эти громадные расходы только и могли быть сделаны в виду положительного уверения правительства поддерживать заказами и пособиями паровозное дело. Производство закипело. Тысячи народа занялись им в местных мастерских. Результат на первых же порах оказался серьезный и локомотивы, вышедшие отсюда, были настолько хороши, что инженеры не хотели брать их, потому что, выдерживая тройной срок ремонта, они были им невыгодны. Не на чем нагревать руки, видите ли...

Сооружение паровозов обещало привиться и сделаться чисто русским промыслом, устраняющим всякую возможность иностранной конкуренции.

Но в это время совершилась внезапная перемена декораций.

Мельников был заменен графом В.А. Бобринским, в первое же время своего управления усвоившим мысль: «Нет никакой нужды заказывать паровозы в России... России невыгодно развивать механическое производство... Будем брать их из-за границы».

Заказы вдруг были прекращены, весь оборотный капитал здешних заводов, пущенный на это дело, лопнул, и мастеровые, учившиеся на постройке первых пятидесяти локомотивов, оказались выброшенными за борт.

Железнодорожники тотчас воспользовались таким положением и прибегли к целой системе прижимок. Требования являлись, но цены предлагались самые убыточные. Сверх

того, многие, как, например, Моршанско-Сызрынская железная дорога, приняв паровозов на 500.000 руб., не уплатили за них денег, поставив заводы с совсем уже критическое положение.

В эту критическую минуту министром путей сообщения является уже другой Бобринский (А.П.). Этот ударился в противоположную крайность.

Явилось неожиданное распоряжение строить для казны подвижной состав, не допуская при сооружении паровозов и вагонов ни малейшей частицы материалов иностранного происхождения. Это потребовало тяжких усилий и новых расходов. Пришлось ввести новые металлургические производства для постройки 1.600 вагонов и около 350 паровозов. За употребление какого бы ни было куска заграничного металла заводы подвергались всякий раз штрафу в 9.000 рублей. Явились конкуренты, которые, нужно сказать правду, имея в виду свое не настолько солидное предприятие и возможность обойти закон частными сделками с приемщиками, к чему последние всегда обнаруживали большой аппетит, пошли на все условия, заключили невозможные контракты. Мало-мальски уважающий себя предприниматель не мог пуститься на подобное дело, ни под каким видом. И вот пришлось вести дело на основании таких невыгодных контрактов, в условиях как будто созданных для краха.

Дело и повелось. Железные дороги в данном случае явились к услугам врагов русского паровозного дела.

За границей инженерам заказывать было гораздо выгоднее: ставь цены какие хочешь и входи в сделки с строителями, которым нет никакого дела до интересов акционеров и казны. Начались придирки и привязки. Донецкая дорога, например, настоятельно навязала постройку неудобных и непрочных паровозов по типу Шварцкопфа. Когда была доказана нелепость этого типа, ответственность пала не на заказчиков, а на исполнителей, игравших только исполнительную роль. Тут нет места приводить в подробностях всю эту эпопею железнодорожных гадостей и подвохов. В истории злключения русских производителей она заняла бы не последнюю страницу...

Тем не менее паровозы строились и приемщики выдавали свидетельства, что они сооружены превосходно. Передо мною целый ряд таких аттестатов, по которым можно было бы думать, что заказы должны расти колоссально. Они и росли, но... только не здесь, а за границей. Для русского производства заказы мало-по-малу прекращались и прекращались. Народ оставался мало-по-малу без работы, мастерские безлюднили.

Тот же красивый лакей встретил нас в Сергиеве. Переодевшись с дороги, мы отправились на завод.

Сергиево-Радицкий завод на половину уже оставлен.

Тяжелое впечатление производят эти остановившиеся машины, закрытые мастерские, молчаливые станки, еще несколько лет назад наполнявшие окрестности такою музыкой неустанного труда, о которой мы уже не раз говорили. Мы безмолвно проходили по этим пустынным сараям и корпусам, в которые только солнце проникает своими лучами. Тишина царит здесь и невольно задаешься вопросом: где те руки, которые еще недавно приводили все это в движение, где их семьи? Нашли ли они себе работу или голодают?

- Вон наши клепальные отделения! – показывают мне.

Посмотрел. Громадные корпуса. Там собралась вагоны, паровики. Теперь все это мрачно, ни одного рабочего, ни одного удара молота; только мухи жужжат да пауки по углам плетут свои сети. Кузница. Целая улица горнов и только в трех из них горит огонь и около свищут мехи, точно требуя воздуха, воздуха... Все остальное погасло. Печи холодны; зола, горами лежащая в них, кажется нам прахом мертвого труда. Подростки кое-где тоскливо возятся угорна... Вон в домне стучит паровой молот, отбивая концы болтов и железных полос. Прежде бы грохот этот затерялся в целой стихии других, не

менее могучих, звуков; теперь он один проносится с конца в конец этого сарая, точно выкрикивая по всем углам его: «Эй, братцы, жив ли еще кто?»

Но, увы, такие же молоты молчат, молчат приводы от похолодевшего паровика, сердце не бьется, по жилам не разгоняется пар; кровь заводского организма и организм самый кажутся какою-то окаменелостью. Я долго смотрел на этот одинокий молот. Точно рот у голодного, он подымался и опускался на железный прут, подставленный ему, каждый раз откусывая кусок за куском. Когда, наконец, уже пищи ему не стало, он долго еще продолжал зевать. Наконец, какой-то мальчонко будто сжалился, подбежал к нему с болтом. И весело заработал нож-паровик!... А вот другой паровой молот. Он уже умер голодной смертью, сжал свои челюсти и не раскрывает их больше. А дальше еще и еще ряды таких же.

Та же история и в слесарной.

Сотни станков молчат, точно ожидая, кто вдохнет в них душу живую и заставит бойко, лихорадочно забиться эти пульсы угасшего организма. Колеса станков покрылись пылью, грязь и сор кучами валяются внизу, точно все эти железные опилки еще вчера сыпались из-под громко работавшего аппарата.

- А давно ли все это гремело? – замечает Гушин, проходя мимо. Такая ли музыка здесь была...

Слесарни были устроены для производства паровозных колес. Прекратились заказы паровозов – и станки остановились.

- Скучно... Прежде у нас такое тут дело кипело... веселое, что одного народу кормилось! Теперь все станки примерили.

За то вон из того корпуса несется шум невообразимый.

Я направился туда. Чем ближе, тем оглушительнее.

- Что у вас тут такое?

- Паркетная фабрика.

Ее устроили, чтобы не пропадали станки для вагонов и дерево, для них заготовленное. Тут же делают и деревянные части земледельческих орудий. В первом отделении – распилка досок; под вертикальным стальным колесом-пилою, с головокружительной быстротой вращающейся, жалобно стонет и громко взвизгивает дерево, в здоровое, крепкое и сочное тело которого въедается эта беспощадная сталь. К каким различным впечатлениям можно прийти, созерцая подобные механизмы! В Питере один из китайцев посольства осматривал такой же завод, остановился перед паровой круглой пилой и долго любовался ею.

- У нас за большие преступления существует казнь – распиливают человека... только ручной пилой. Следовало бы применить эту... Гораздо было бы гуманнее.

Человеколюбивый китаец к иному выводу и прийти не мог здесь.

А дерево положительно жалуется и стонет. Его распиливают на три части, потом обрезают на куски для паркета. Пахнет смолистым дыханием леса. На некоторых досках выступают янтарные капли холодного пота, точно им страшно в ожидании этой гуманной китайской казни. Вот уже готовые паркетные-куски обтачивают и обравнивают под паровыми ножами, полируют их. Целые массы стружек и древесной пыли поднимаются в воздухе, стон стоит над этими работами; дерево поддаваясь ножу, только вздрагивает каждым своим атомом. Вы слышите эту дрожь и невольно одухотворяете безжизненные куски сосны и дуба...

Вот второе отделение.

Тут громадные скелеты молотилок английских, Рустона, Мальцова. Целыми рядами стоят они, точно остовы замечательных мертвецов в анатомическом театре.

- У нас есть заказ еще штук на пятьдесят! – сообщает мне Бассон, обходя этот неподвижный фронт.

Некоторые механизмы с открытым нутром. Наружу торчат железные, стальные и деревянные потроха. Вон уже собранная, ярко выкрашенная, совсем с иголки молотилка. Тут же, около, и локомотив для того, чтобы на пробе привести ее в движение.

- Эту мы на днях в Харьков отправим.

- Экую красавицу выстроили! – с отеческим чувством хлопает ее ладонью рабочий.

И локомотив новенький, тоже разрядившийся в яркие цвета. Кокетливый, весь с иголки, лихо заломивший назад трубку, точно деревенский франт, ловко вскинувший свой картуз. Вот и крупорушка. Стали ее пробовать – загрохотала, зашумела и давай сплевывать ненужную ей шелуху, сбрасывая просо с грохота на грохот, пока совсем чистое не распределилось по сортам в разных отделениях этого не сложного, но очень остроумного механизма. Стали потом пробовать молотилку. Бабы едва успевали подавать снопы соломы с зерном. Запыхтел и заворчал локомотив. Целая туча соломенной пыли поднялась в воздух, точно это чудовище нарочно хотело окружить себя непроницаемым облаком. Работа шла с страшною быстротой.

- Ишь, здорово она эту самую солому жрет! – замечает рабочий.

Чистое зерно живо сыпается в три или четыре отделения, тоже сортируясь само собою.

Вот и плуги, целая масса их и все различных систем. Помню я, как их пробовали в Кранивенском хуторе. Восемь волов тянули один. Глубоко взрывались в материнскую грудь земли его острые зубья. Пар шел из развороченных глыб весенней свежей почвы. Точно тяжело дышится ей, точно кровь ее испаряется в холодный воздух из безжалостно прорезанных борозд...

- Ой вы, воли-волики! – замечает рабочий.

Добродушные волы медленно идут, вытягивая головы.

- Зверь согласный! – одобряет серый армяк рядом.

- Нешто вол – зверь? Волки – звери, ведмедь – зверь, а вол – слуга тебе, а не зверь! – обижается погонщик на легкомысленного соседа.

Длинные, красные и зеленые, лафеты на двух колесах, тоже пестрые и красивые.

- Это что у вас?

- Сеялки. Внутри лафета вал, рассеивающий зерна. Тут же мелкие бороны, плуги и веялки.

Выходя отсюда, мы наталкиваемся прямо на изумительно живого старика, юркого, бойкого, с воспаленными слезящимися глазами и такую массой морщин на лице, что издали его можно принять за ситуацию пересеченной местности, а никак не за благороднейшее украшение человеческого организма.

- Мсье Бланшар! – приветствует его Бассон.

- Imajinezvous! – орет тот еще издали. – J'aiperdumescheveux! –И он с выражением ужаса поднимает свой колпачок. Голый черен является достойным увенчанием этого здания. – Где мои волосы, где мои волосы! – привязался он в Бассону, точно тот виновник этого внезапного опустошения.

- От любви, верно? – замечает Бассон, хотя Бланшару мало-мало семьдесят лет.

- Нет, от лихорадки... Заболел малярией весной и, вот, все вылезло! – И он еще приподнял колпачок, точно Бассон сразу не мог убедиться в этом прискорбном факте.

- Он теперь похож на совсем облезлую крысу, - замечает Бассон тихо, обращаясь ко мне.

Бланшар лихо заломил колпачок как-то набекрень, заложил залихватски руки в карманы широких штанов и засвистал что-то.

- Экий вы еще молодец! Вам бы жениться надо.

-Parfaitement, monsieurBasson, parfaitement!

В следующем отделении окончательная отделка паркета. Обровненный на нескольких колесах, каждый кусок дерева склеивается с другими такими же, составляя многоугольник, который тоже, в свою очередь, обравнивается и срезается колесом по

железной форме. Только после этого его помещают в раму. Рама идет под громадную машину; та, визжа и шипя, точно от злости, сдирает с верхней плоскости паркета неровности. С сплюю разлетается кругом туча опилок и древесной пыли. Дерево положительно пищит, как мышь в когтях у кошки. Из-под этого аппарата рама идет под другой такой же, в подобную первую муку, и, только испытав десять казней египетских, паркет, наконец, отправляется к заказчикам в Киев, Одессу, Орел, Харьков, Москву, Динабург и Витебск. Здесь тоже меньше стало народу, чем было прежде. Большинство разошлось по другим своим заводам, а меньшая часть нашла заработок у Тянишева и Губонина.

Отсюда мы попали на площадь, заставленную вагонами и паровиками. Они приготовлены по заказу правительства, которое приняло их, и до сих пор держатся здесь – целые годы, причем ремонт и забота вся на обязанности завода.

- Тут их караулить приходится, да и других расходов масса. Чуть царапина – беда. Вагоны под солнцем нагреваются, потрескаться могут, краска вспузыриться, а про все мы в ответе.

Громадные локомотивы кажутся заснувшими тут же. Бланшар кричит и суетится вокруг, низко опустив веки и не открывая здесь своих красных выпученных глаз. Вон под навесами паровозы еще собирающиеся. Некоторые с приспособлениями, придуманными тут на месте. Вообще, редкая машина на здешних заводах делается без изменений, по тому образцу, какой имелся в виду первоначально. Напротив, всюду вводятся усовершенствования, упрощения. Если бы перечислить все изобретения, совершенные на этих заводах, то это была бы целая летопись технического прогресса.

Ко всем прочим несчастьям, пережитым Сергиево-Радицким заводом, в этом году пришло и наводнение.

Болва разлилась необычайно. Воды ее прорвали дамбы, снесли прочь более легкие постройки, подмыли остальные. Вон, напрмер, громадный склад превосходного леса; вода его сплошь было затопила. Дубовые бревна, каждый фут которых стоит по рублю, до сих пор еще мокнут. Бланшар, злобствуя, грозит кулаком на Болву, а она, спокойная и красивая, течет себе внизу в зеленых зарослях, отражая в своих, как будто неподвижных, плесах голубое небо.

- Что это вы? – спрашиваю у француза.

- Как же, убытки... ведь этот дерев совсем пропал.

На дворах кучи досок, жердей, обломков. Их несло, несло водою да забило по углам безобразными ворохами. Массы перержавевшего железа тоже тут перепутались с деревянным материалом. Долго не разобраться. Иной раз из вороха досок торчат какие-то рыжие полосы чугуна. В целой горе железных обломков застряли концами дубовые бревна. Наводнение было таково, что от завода к заводу ездили на лошадях и на лодках же плавали в мастерские. На Болве строились суда; их водопольем разнесло в разные стороны. Совсем некоторые не на свое место стали. Вон под навесом, где следует быть локомотиву, торчат голые, точно чем-то обведенные, ребра речного судна. Одно забило между вагонами и едва-едва вытащили его оттуда. В подвалах везде вода стояла подолгу. Паровую машину испортило и теперь кирпичный остов ее стоит холодный, без топки и без дела. Пока еще поправят... А таких поправок будет много, очень много. Вон целая гурьба баб-поденщиц разбирают кучи разбитых чугунных котлов, горшков, печей, заслонок и всякой металлической мелочи.

- Сколько добра попортило! – замечает одна.

Бланшар как увидел их, так еще более лихо заломил набекрень свой колпак и петушком, петушком завозился около. Те расхохотались.

- Эка лысый чёрт! Ишь у яво ноги-то забирают.

У Болвы и барки. Рабочие собрались на них и с часу на час ждут отплытия вниз на Десну, а оттуда в Днепр. Все уже погружено.

Дамба была залита. Вон небольшой домик-изба. Крохотная стеклянная галерейка смотрит на воду. Отсюда чудный вид на Болву, которая кое-где вся уходит в красивые, свежие рощи. Озерами стоят неподвижные разливы. Нежная зелень полей под ярким солнцем кажется еще мягче и роскошнее. Кое-где из плесов водополя шапками поднимаются деревья. Даль вся ушла в лощины, холмы и овраги. Вон правый горный берег Десны с церквами и монастырем Брянска. Тут уж чувствуется близкая Малороссия. Бесплодных равнин нет. И поросль уже более роскошная, чем в оставленных позади Рославльском и Жиздринском уездах. Но и тут, под самой дамбой, вода опять целые вороха снесенного сюда леса и железа. Соловей поет над разливами; иволги посвистывают в пустом лозняке и точно перебалтываются меж собой неугомонные синицы. Где-то далеко, далеко кукует кукушка.

Хорошо было здесь, но время не ждало, - нужно отправляться далее.

По всему пути одно и то же: жалобы на скверное положение, на отсутствие заказов.

Около Сергиева-Радица чугуно-плавильный завод. Следы разлива по пути, дорогу смыло. Тысячи досок разнесено кругом водопольем за десятки верст от того места, где были сложены штабели их. На здешнем заводе выплавляются стопятыдесятью рабочими до 100.000 пудов чугуна. Дело это заведено еще 50 лет назад. Плавка производится в вагранке. Прелестное озеро. Со всех сторон несутся песни женщин, промывающих сор, где находят куски железа. Через озеро бежит речка Радица, впадающая в Болву.

Бабы стремглав вбегают в озеро с тачками. Земля уносится оттуда течением, металл остается. За промытое чистое железо они получают по 4 коп. с пуда. В день легко промыть таким образом от 10-12 пудов. Характер живости и яркости лежит на всем этом деле. Некоторые ухитряются на бегу петь какую-то особенную песню. Мы только и различали постоянно повторяющуюся фразу: «родись, родись железо!» мы возвращались домой вечером. Сумерки окутали поля и дали. Не было видно ничего, одни голоса слышались оттуда...

XVIII. Учреждение Мальцовского промышленно-торгового товарищества.

Вся заботливость здесь направлена к тому, чтобы дело не прекратилось, чтоб оно развивалось все шире и шире. Мальцов сознавал, что с его смертью весь этот край, с его заводами и фабриками, может быть разделен, причем его части разобьются между собою и потеряют ту стройную общность действий, которая позволяет невыгоды промыслов в одном месте покрывать барышами промышленных предприятий в другом. Сверх того, ему хотелось призвать к участию в деле тех, кто вместе с ним трудился. Таким путем приобреталось более близкое участие целого ряда опытных людей. Задумав учреждение товарищества, Мальцов обратился к Петру Александровичу Мясоедову, который и составил ему устав и разработал подробности этого предприятия.

Вот что сказано в уставе товарищества относительно передачи ему учредителем принадлежавших последнему владений: «Учредитель отдает на законном основании в собственность товарищества принадлежащие ему в Калужской, Орловской и Смоленской губерниях Людиновский механический, чугуно-литейный и железодельный заводы, Ивано-Сергиевский чугуно-литейный и железодельный, Песоченский, Сукременский, Любохнинский и Радицкий чугуно-литейные, Сергиево-Радицкий вагоно-строительный и Курганский гвоздильный, Дядьковскую хрустальную, Ивотскую, Старскую, Радицкую, Знеберскую, Шуткинскую и Перыщинскую стеклянные фабрики, Песочинскую фаянсовую фабрику, Крапивенский, Любохновский и Епишевский винокуренные и Любохновский пивоваренные заводы, равно все свои земли, состоящие в означенных губерниях в количестве более 200.000 десятин, большею частью под лесом, со всеми находящимися там рудниками, копиями каменного угля, мельницами, маслобойнями, лесопильнями, канатными и кирпичедельными заводами и прочими всякого рода заводскими и промышленными заведениями и постройками, господскими усадьбами, садами и со всею находящеюся в них движимостью, заводскими изделиями

,припасами и материалами... §3. В собственность товарищества поступают также принадлежащие учредителю дома в Киеве, Харькове, Риге, Херсоне, Кременчуге, Коропе и Екатеринославле и лавки в Нижнем Новгороде со всею движимостью и находящимися в них заводскими изделиями и материалами, равно и заводские материалы и изделия, хранящиеся в торговых складах учредителя: в Петербурге, Риге, Пензе, Ростове на Дону, Орле, Одессе, Сергиевке и Нижнем Новгороде. §4. Кроме того, товариществу передаются и все арендуемые последним владельцем в означенных губерниях и промышленные заведения, леса и другие угодья. Товариществу переданы также железные дороги, пристани, пароходы, телеграфы».

К участию в товариществе на первых порах были приглашены как те, кто мог быть ему полезен, так и некоторые более выдающиеся рабочие здешних заводов, которым Мальцов дал пай этого нового учреждения. С тех пор число пайщиков последней категории все росло и росло. Ежегодно, вместо наградных денег различным лицам, работающим на здешних заводах и других промышленных предприятиях, раздаются пай товарищества, и теперь нет мало-мальски выдающегося сотрудника Мальцова, который в то же время не был бы и участником в выгодах этого предприятия. Таким образом, все вышедшие из народа, бывшие здешние рабочие, о которых мы говорили уже, - все эти Калинины, Смеловы, Гуцины и другие являются уже в большей или меньшей мере хозяевами. Сверх того, пай распределены и между людьми, оказавшими услуги товариществу. Капитал товарищества при его устройстве определен был в шесть миллионов рублей, разделенных на 24.000 паев, по 250 руб. каждый. Но со времени устройства товарищества здесь устроено столько новых заводов, проведены новые железные дороги, приобретены еще земли и леса, - короче, дело так развилось, что теперь общая стоимость его по меньшей мере равняется 14.000.000 руб., так что стоивший номинально пай 250 руб. теперь в действительности представляет ценность более 500 рублей. Товариществу тогда же было предоставлено для увеличения оборотного капитала выпустить облигации на нарицательный капитал в 3.000.000 руб., с тем, чтобы нарицательная цена каждой облигации не превышала 250 руб., чтоб уплата процентов по означенным облигациям и капитала, по облигациям, вышедшим в тираж, была обеспечена, преимущественно перед всеми долгами товарищества, всеми его доходами, запасным капиталом и всем движимым и недвижимым имуществом товарищества. Облигации могут быть выпущены только поналожению на все имущество товарищества запрещения в полной сумме облигационного капитала, причем при самом выпуске их должны быть очищены все могущие быть на товариществе долги. Впоследствии (§19), при развитии дел товарищества, оно может выпустить дополнительные пай, которые распределяются между владельцами прежних паев. Если же последние не будут разобраны все сполна, то оставшиеся предлагаются служащим в товариществе лицам, мастерам, рабочим и только за отказом их они могут поступить в публичную подписку. Устав параграфом 21 установил порядок, по которому передача паев допускается безусловно лишь от одного пайщика к другому; постороннему же лицу пай могут быть переданы или проданы не иначе, как по предварительному заявлению правлению товарищества. Правление извещает о том прочих владельцев паев, а затем служащих в товариществе лиц, рабочих, мастеров, и только если никто из них в течение трех месяцев не пожелает купить пай, то владелец может распорядиться продажей их в сторонние руки по своему усмотрению.

Делами товарищества заведует правление, находящиеся в селе Дядькове. Оно состоит из пяти директоров, избираемых общим собранием на три года, и двух кандидатов, замещающих куда-либо выбывшего директора. Директором или кандидатом может быть только владеющий тридцатью паями, которые во все время службы его лежат в правлении и не могут быть передаваемы до утверждения отчета за последний год пребывания владельцев паев директорами и кандидатами. Заведует делами товарищества директор-распорядитель, обязанный иметь пятьдесят паев. Тотчас же по

учреждениитоварищества на этот пост был избран сам Мальцов, который и до сих пор несет все обязанности этого звания. Каждые два года выбывают два директора и один кандидат. Операционный год товарищества считается с 1-го апреля по 1-е апреля следующего года. За каждый минувший год правление представляет общему собранию пайщиков, не позже октября, подробный отчет и баланс оборотов со всеми принадлежащими к нему книгами и оправдательными документами; проверка отчетов и способ их рассмотрения – как и в других подобных же промышленных обществах. По утверждении отчета, из чистого дохода не менее десяти процентов отделается в запасный капитал и не менее пяти в капитал благотворительных сумм, для содержания больниц, училищ, для выдачи пособий и пенсий. Остающаяся сумма составляет чистую прибыль. Если она не превышает 6% на основной капитал, то и обращается вся в дивиденд по паям; когда же прибыль превышает 6%, то излишек идет в вознаграждение – правлению 50%, в награду служащим при товариществе 25%, а остальные 25% причисляются к дивиденду по паям. Сам владелец большинства пока паев, Мальцов, весь доход с них отдает тому же товариществу уже который год, для усиления его деятельности и оборотов. Такие взносы – безвозвратны. Общие собрания бывают обыкновенные и чрезвычайные: первые – в октябре и марте, а чрезвычайные – по требованию пайщиков, предоставляющих десятую часть основного капитала, или по усмотрению правления. В общее собрание пайщики являются или сами, или через своих доверенных; но доверенным лицом может быть только тоже пайщик. Одно лицо не может иметь доверенностей более как от двух лиц. Каждые десять паев дают право на один голос, *но один пайщик не может иметь по своим паям более того числа голосов, на которое дает право владение одной десятой частью всего основного капитала общества.* Акционеры, имеющие менее десяти паев, могут соединять по общей доверенности свои паи для получения права на один или более голосов. Если паи достанутся по наследству нескольким лицам или же другим путем, то право участия в общем собрании предоставляется лишь одному из них. Торговые дома имеют в общем собрании не более одного представителя. Общее собрание считается состоявшимся, когда прибывшие представляют треть основного капитала. Для решения вопросов о расширении предприятия, об увеличении или уменьшении основного капитала, об изменении устава и ликвидации дел требуется участие владельцев трех четвертей общего числа паев. Если собрание не будет удовлетворять этим условиям, то через две недели созывается второе, которое уже считается законно состоявшимся. Приговоры общего собрания считаются обязательными, когда они приняты большинством трех четвертей голосов. Иначе созывается второе собрание, где те же вопросы решаются простым большинством голосов. Внесенные за паи деньги остаются неприкосновенной собственностью товарищества. В случае несостоятельности владельца паев по долгам казенных или частных, взыскание обращается на эти паи; но участники товарищества, равно служащие, мастерские, рабочие, могут, по §62 устава, выкупить означенные паи, предпочтительно перед всеми прочими, в течение трех месяцев со дня объявления им о том. Только если мастера, рабочие и служащие не выкупят паев, они могут быть обращаемы в частную продажу.

Первое общее собрание владельцев паев состоялось 14 марта 1875 года. Председателем на нем был избран сам Мальцов, а директорами – его сотрудники по управлению делами заводов Н.С. Сиротинин, А.Э. Рошфор и П.А. Егоров. Директорам назначено жалования по 2.400 руб. в год каждому. Воображаю себе гримасу, которую при этой цифре сделают Зевсы наших акционерных компаний, эти громовержцы кулачества и дешевой наживы, привыкшие в один месяц получать более. По рассмотрении описи оказалось, что во владение товарищества поступило около 35 фабрик и заводов, с усадьбами, конторскими домами, магазинами, торговыми лавками и прочими постройками, 45 мельниц, 12 лесопилен, угольные копи в 26 местностях, 12 кирпичных заводов, 32 постоянных двора, 13 хуторов с образцовыми фермами, и при этом земель: в Брянском уезде – 76.100 десятин, Жиздринском – 95.012 дес., Мосальском – 2.827 десят. И

Рославльском – 10.395 дес. Из этого числа земель под усадьбами, огородами и выгонами около 620 дес., под пашней 15.133 дес., покосов заливных 2.307 дес., покосов обыкновенных 2.694 дес., леса строевого 37.957 дес., леса дровяного 53.936 дес., леса кустарного 61.808 дес. и неудобных мест 9.921 дес.

Один лес оценивается теперь почти в 5.000.000 руб.

Домов в других городах принято восемь, наличных денег около 100.000 руб. и товаров готовых с материалами на 5.185.520 руб. Движимого имущества при заводах, торговлях и хуторах, лошадей, скота, земледельческих орудий, паровозов и судов на реках на 255.918 руб. Долгов, состоящих на разных лицах, почти 1.000.000 руб. и долгов на мастеровых и рабочих на 500.000 руб. К этому нужно прибавить, что к товариществу перешли обширные рудные залежи, копи каменного угля, стопятидесятиверстное шоссе, железные дороги, шлюзы, телеграфы и другие местные приспособления.

Собрание затем постановило уступить Мальцову (?) обратно дядьковский господский дом с усадьбой и находящеюся в нем движимостью и кроме того 2.000 десятин на выбор. Определенное в 1875 году в 10.000.000 руб. все имущество товарищества, в 1876 г. уже дошло до 13.671.467 руб., в 1877 г. – до 14.885.745 руб., в 1878 г. – до 16.112.573 руб., в 1879 г. – до 16.139.785 руб. и в 1880 г. немного понизилось – на 16.109.357 руб. за то же самое время выработано заводами стекла:

С 1875-76 г.: хрусталя 3.414.408 штуки на 224.672 р., оконного стекла 16.104 ящика на 374.692 р., бутылок 529.000 на 25.500 руб.

С 1876-77 г.: хрусталя 6.086.394 штук на 428.358 р., оконного стекла 29.950 ящиков на 687.006 р., бутылок 1.292.131 на 61.472 р.

С 1877-78 г.: хрусталя 6.538.609 штук на 418.353 р., оконного стекла 28.374 ящика и 42.048 больших стекольных листов на 716.422 р., бутылок 1.357.255 на 66.623 р.

С 1878-79 г.: хрусталя 8.252.274 штуки на 569.667 р., оконного стекла 29.277 ящиков и 22.507 листов на 727.716 р., бутылок 1.277.640 на 65.404 р.

С 1879-80 г.: хрусталя 10.455.512 штук на 761.861 р., оконного стекла 30.316 ящиков и 42.050 листов на 794.775 р., бутылок 1.740.935 на 95.979 р.

В то же самое время построено:

С 1875-76 г.: подвижного состава для железных дорог на 713.738 р., пароходов, паровозов для обыкновенных дорог, земледельческих и др. машин на 502.709 р.

С 1876-77 г.: подвижного состава для железных дорог на 2.611.589 р., пароходов, паровозов для обыкновенных дорог, земледельческих и др. машин на 452.242 р.

С 1877-78 г.: подвижного состава для железных дорог на 3.681.126 р., пароходов, паровозов для обыкновенных дорог, земледельческих и др. машин на 290.041 р.

С 1878-79 г.: подвижного состава для железных дорог на 2.095.169 р., пароходов, паровозов для обыкновенных дорог, земледельческих и др. машин на 254.411 р.

С 1879-80 г.: подвижного состава для железных дорог на 1.672.398 р., пароходов, паровозов для обыкновенных дорог, земледельческих и др. машин на 305.298 р.

В то же самое время выработано:

С 1875-76 г.: посудного штучного литья на 419.539 р., железа и изделий на 136.149 р., эмалированной чугунной посуды на 54.350 р., фаянсовой посуды на 30.459 р.

С 1876-77 г.: посудного штучного литья на 834.928 р., железа и изделий на 946.865 р., эмалированной чугунной посуды на 96.118 р., фаянсовой посуды на 60.636 р.

С 1877-78 г.: посудного штучного литья на 875.068 р., железа и изделий на 1.472.986 р., эмалированной чугунной посуды на 122.385 р., фаянсовой посуды на 72.963 р.

С 1878-79 г.: посудного штучного литья на 840.884 р., железа и изделий на 1.051.735 р., эмалированной чугунной посуды на 189.255 р., фаянсовой посуды на 86.466 р.

С 1879-80 г.: посудного штучного литья на 1.084.360 р., железа и изделий на 1.214.221 р., эмалированной чугунной посуды на 204.221 р., фаянсовой посуды на 108.961 р.

За то же самое время выкурено и приготовлено:

С 1875-76 г.: спирта 2.753.520% с акцизом на выпуск в продажу количества 151.338, пива и разных водок на 36.697 р.

С 1876-77 г.: спирта 2.198.708% с акцизом на выпуск в продажу количества 195.640, пива и разных водок на 53.307 р.

С 1877-78 г.: спирта 1.646.989% с акцизом на выпуск в продажу количества 155.629, пива и разных водок на 50.477 р.

С 1878-79 г.: спирта 1.987.236% с акцизом на выпуск в продажу количества 199.922, пива и разных водок на 45.235 р.

С 1879-80 г.: спирта 1.917.600% с акцизом на выпуск в продажу количества 202.064, пива и разных водок на 26.275 р.

За те же пять лет:

С 1875-76 г. выработано: канатов, веревок, кирпича, дегтя, скипидара на 18.000 р., на хуторах сельских продуктов на 61.074 р., продано лесных материалов на 36.933 р.

С 1876-77 г. выработано: канатов, веревок, кирпича, дегтя, скипидара на 23.309 р., на хуторах сельских продуктов на 78.683 р., продано лесных материалов на 270.052 р.

С 1877-78 г. выработано: канатов, веревок, кирпича, дегтя, скипидара на 74.384 р., на хуторах сельских продуктов на 79.308 р., продано лесных материалов на 467.063 р.

С 1878-79 г. выработано: канатов, веревок, кирпича, дегтя, скипидара на 78.857 р., на хуторах сельских продуктов на 82.973 р., продано лесных материалов на 410.258 р.

С 1879-80 г. выработано: канатов, веревок, кирпича, дегтя, скипидара на 73.043 р., на хуторах сельских продуктов на 69.754 р., продано лесных материалов на 497.908 р.

Более мелкие статьи мы не приводим. В общем:

за первый год поступило 2.851.446 руб.

второй 6.943.752 руб.

третий 8.699.008 руб.

четвертый 7.019.739 руб.

пятый 7.436.870 руб.

Интересные цифры по расходам заводов на жалование служащим и на вознаграждение рабочих.

В 1875 году директорам правления и служащим в конторе выдано 73.738 р., рабочим и мастеровым 645.262 р.

В 1876 году директорам правления и служащим в конторе выдано 118.235 р., рабочим и мастеровым 961.294 р.

В 1877 году директорам правления и служащим в конторе выдано 108.694 р., рабочим и мастеровым 1.360.237 р.

В 1878 году директорам правления и служащим в конторе выдано 111.490 р., рабочим и мастеровым 1.168.019 р.

В 1879 году директорам правления и служащим в конторе выдано 110.959 р., рабочим и мастеровым 1.227.625 р.

Сверх того, вспомогательным рабочим ежегодно сверх этого выплачиваются значительные суммы. Мы не можем привести их отдельно, потому что в счетах товарищества он показан в общей графе с купленными материалами для заводского и фабричного производства. Таким образом, на этот предмет израсходовано: в 1875 г. – 1.315.532р., в 1876. –2.608.631 руб., в 1877 г. – 4.635.725 руб., в 1878 г. – 4.463.537 руб. и в 1879 г. – 3.710.273 руб.

Вас. Немирович-Данченко.

(Окончание следует.)